

Влюбленность — такое удивительное чувство, обладающее невероятной силой.

Цзян Ся и впрямь немного изменилась: в ее сердце каждый день селилось какое-то ожидание, а на лице все чаще появлялась улыбка. Долгое время она буквально сияла, и вся ее суть стала гораздо дружелюбнее.

Что касается Цзи Юйтун, то, хотя они по-прежнему ежедневно обедали за одним столом и ездили в одной машине в школу и обратно, та больше не пыталась целенаправленно портить ей жизнь. О подобном положении дел Цзи Юйтун не смела и мечтать.

Девушки редко пили из чужих колодцев и друг другу не мешали.

Как-то утром Цзян Ся, тихонько посвистывая и ступая легким шагом, вышла из своей комнаты и столкнулась с Цзи Юйтун, которая как раз закрывала свою дверь.

Все говорят, что дети, красивые в раннем возрасте, повзрослев, чаще всего дурнеют, но по мере того, как росла Цзи Юйтун, это утверждение казалось все менее справедливым. Она выросла настоящей маленькой феей — такой красивой, что окружающие просто не могли игнорировать ее существование.

В тот день на ней было прекрасное белое платье, черные как смоль волосы небрежно рассыпались по плечам, а в правой руке она прижимала несколько книг. Видимо, вспомнив что-то приятное, она слегка улыбнулась, и на щеках проступили прелестные ямочки.

Цзян Ся тогда, должно быть, заклинило в голове: в тот самый миг, как она ее увидела, с языка сама собой сорвалась фраза, сказанная без всяких раздумий:

— Так красиво нарядилась, какого парня собралась охмурить?

Любой бы понял, что в ее словах сквозит насмешка и издевка, однако в то же время это был первый раз, когда она вслух признала красоту Цзи Юйтун. В семье Цзян та вечно страдала от ее издевательств и никогда не улыбалась ей в ответ. К тому же последние несколько месяцев Цзян Ся с головой ушла в стремительно развивающийся роман с Цзян Сяомэн и почти не смотрела на сводную сестру.

Но нельзя было отрицать: когда Цзи Юйтун улыбалась, она выглядела поистине очаровательно. Сердце Цзян Ся сильно ёкнуло, и она сама удивилась тому, что вдруг оценила внешность Цзи Юйтун. Поддавшись какому-то необъяснимому и странному порыву, она и бросила эту полную сарказма фразу.

Такие слова прозвучали не на пустом месте. Обычно, если у среднего школьника появляется симпатия, он ведет себя скромно и застенчиво, предпочитая признаваться в письмах. Старшеклассники все-таки постарше, поэтому они в основном выбирают подходящий момент и

романтическое место, чтобы напрямую излить чувства. Ну а про студентов и говорить нечего: тебе — манящий взгляд, мне — фривольное слово, намерения полностью понятны, а дальше все идет само собой.

Письма от мальчишек приходили к Цзи Юйтун пачками, словно снежные хлопья. Некоторые она даже не утруждалась распечатывать, и разбираться со всей этой макулатурой было настоящей головной болью: ни выбросить, ни оставить.

Учась в той же школе и том же классе, Цзян Ся не могла не знать об этом.

Услышав такое, Цзи Юйтун сначала опешила, а затем ее ясные, выразительные глаза заволокло пеленой легкого гнева. Чистая и непорочная, она, естественно, была крайне пренебрежительно настроена против самого слова «охмурить». К тому же с возрастом ее способность давать отпор нападкам Цзян Ся только росла, и потому она не задумываясь выпалила в ответ:

— А ты сама-то вырядилась так, какую девчонку собралась охмурять?!

Цзян Ся не ожидала, что та, стоило ей несколько месяцев не обращать на нее внимания, вдруг наберется такой наглости и посмеет ответить ей в подобном тоне. Особенно задело ее четырехстишие про «охмурение девчонок», затронувшее самую чувствительную струнку в ее душе. Ее лицо мгновенно то заливалось краской, то бледнело, а сердце охватил дикий гнев.

— Девчонку охмурять? Да, именно так! И что с того, если девчонку?! Или ты тоже хочешь, чтобы тебя охмурили?!

Подобно разъяренному льву, излучая свирепый и властный натиск, она двинулась вперед, шаг за шагом прижимая соперницу к стене. Поймав ее ледяной взгляд, Цзи Юйтун испугалась и невольно начала пятиться:

— Ч-что ты собираешься делать?

— Ничего особенного, просто хочу тебя охмурить.

Благодаря регулярным тренировкам Цзян Ся была намного выше большинства девушек. Сейчас она возвышалась над Цзи Юйтун, уперевшись обеими руками в стену и наглухо загнав ту в крошечное пространство. Едва договорив, она резко наклонилась и свирепо впилась в алые, нежные губы Цзи Юйтун. В тот самый миг, когда Цзян Ся набросилась на нее и поцеловала, Цзи Юйтун замерла, словно пораженная молнией, окаменев от шока, и книги с громким хлопком выпали из ее ослабевших рук.

Для Цзян Ся это было чистой воды злой шуткой и местью, продиктованной мерзкими побуждениями. Однако она никак не ожидала, что ощущения от поцелуя окажутся невероятно

приятными — мягкими, скользящими, словно сладкое желе. От Цзи Юйтун исходил легкий, отличающийся от аромата Цзян Сяомэн аромат, но он казался еще более пьянящим. Сердце Цзян Ся словно оттаивало от чего-то, и этот изначально карательный поцелуй вдруг превратился в потрясающий опыт. Теплое дыхание Цзи Юйтун оведало ее лицо, заставляя щеки пылать.

Цзи Юйтун с пару секунд простояла в полном оцепенении, а придя в себя, принялась отчаянно сопротивляться. Она изо всех сил уперлась руками в плечи Цзян Ся и открыла рот, собираясь закричать, но та воспользовалась моментом: стоило губам разомкнуться, как мягкий и влажный язык проник внутрь. Голова Цзи Юйтун пошла кругом, лицо залилось ярким, готовым сорваться румянцем стыда, а в груди зародилась паника. Цзян Ся прикрыла звездные глаза, длинные ресницы опустились. Мм, кажется, та недавно пила фруктовый сок — во рту отчетливо чувствовался этот сладковатый, приятный вкус...

— А! — еще секунду назад казавшаяся зачарованной Цзян Ся вдруг издала пронзительный крик. Она мгновенно отпустила Цзи Юйтун, зажала рукой открытый рот, а ее четко очерченные брови, глаза и нос в муках перекосило.

Оказалось, что в отчаянии Цзи Юйтун впилась зубами ей в язык.

Хотя этот крик прозвучал ужасно громко и потряс весь дом, к счастью, на их третьем этаже, кроме А Лань, убравшей комнаты, редко кто бывал, а потому никто ничего не услышал.

Пожалуй, это было самое крупное поражение и самый истощный вопль за всю жизнь Цзян Ся. Язык — место само по себе крайне уязвимое, а укусили ее вовсе не слабо, от боли у нее чуть из глаз не брызнули слезы.

Одной рукой зажимая рот, она с неверием смотрела на Цзи Юйтун, охваченная смесью шока и гнева. Цзи Юйтун вела себя точно так же: прижавшись спиной к стене, она тоже зажимала рот руками и тяжело дышала, а в глубине ее глаз плескались страх и ярость.

Некоторое время они молча сверлили друг друга взглядами, как вдруг Цзян Ся бросилась вперед и впилась пальцами ей в горло. В ее глазах полыхал огонь, и она невнятно пробормотала:

— Смеешь меня кусать!

Из-за травмированного языка слова получались смазанными, звучащими довольно нелепо, но Цзи Юйтун было совсем не до того, чтобы разбирать ее речь. Ее горло крепко сжимали, голова запрокинулась назад, лицо и шея побагровели от нехватки кислорода, а на лбу вздулись вены. Она изо всех сил вцепилась руками в руки Цзян Ся, пытаясь оторвать эти дьявольские пальцы, но все было напрасно.

По мере того как дышать становилось все труднее, в ее голове мелькнула мрачная мысль:

неужели я умру от рук этого монстра? И слезы беззвучно покатались по щекам.

Цзян Ся, потерявшая рассудок от гнева, увидев ее слезы, мгновенно пришла в себя и сразу разжала руки. На тыльной стороне ее ладони остался влажный след — туда упала капля. Словно от ядовитой змеи, она судорожно отдернула руку. Освободившись от хватки, Цзи Юйтун опустила голову и принялась жадно глотать воздух; волна глубокого унижения затопила грудь, а слезы полились с новой силой. В глазах Цзян Ся отразились сложные эмоции. Внезапно она перестала понимать, что творит и зачем вообще это сделала, а ее взгляд заволочло абсолютной растерянностью.

Зачем она съязвила? Зачем полезла целоваться? Почему... почему этот поцелуй вдруг стал таким глубоким? Почему...

Всего одно слово — и ситуация вышла из-под контроля.

Она посмотрела на собственные раскрытые ладони, и сердце пронзил животный страх: только что... только что она ведь чуть не убила ее? При этой мысли спину обдало ледяной волной. Как она могла так сорваться?

Беззвучный плач Цзи Юйтун перешел в тихие всхлипывания. Цзян Ся так и стояла столбом, долго глядя на нее с выражением крайнего раскаяния на лице. Ее губы слегка зашевелились, ей безумно хотелось извиниться, но словно бы кто-то влил в нее немое зелье — сколько она ни шевелила губами, из горла не вырвалось ни звука.

Цзи Юйтун тем временем подняла заплаканные глаза, полные ненависти посмотрела на нее и вдруг всхлипнула:

— Ты сволочь! Бесстыдница!

Выпалив это и даже не пытаясь подобрать книги, она бросилась вниз по лестнице.

Цзян Ся подошла, подняла те две книги и машинально отряхнула их, хотя на полу лежал роскошный шерстяной ковер и никакой пыли на обложках не было. Еще немного постояв на месте, она тоже последовала вниз.

Цзи Юйтун вихрем сбегала вниз, ее лицо все еще было мокрым от слез. Едва она выскочила в холл, как столкнулась с Матушкой Гуй, чье пухлое лицо сияло улыбкой:

— Чего это вы только сейчас спускаетесь? Я уж собиралась звать старшую барышню и тебя завтракать... — Матушка Гуй вдруг заметила неладное и поспешно приблизилась: — Юйтун, чего ты плачешь? Опять старшая барышня тебя обидела?

В отличие от вечно разъезжающего по делам Чжу Вэньхана, она, конечно, знала о некоторых

выходках Цзян Ся по отношению к Цзи Юйтун. И хотя Матушка Гуй очень жалела сироту, Цзян Ся все-таки оставалась хозяйкой в этом доме, воспитанницей, которую она вырастила с пеленок. Более того, после смерти матери Цзян Ся эта забота превратилась почти в слепое баловство. Во многие вещи служанка вмешиваться не могла, максимум — пыталась ее приструнить. К тому же она всегда считала, что детские распри — пустяки, а с возрастом все пройдет.

Поэтому, видя обиженную Цзи Юйтун, она чаще всего просто утешала ее. Не изменила она привычке и на сей раз: нахмурившись, Матушка Гуй подошла, погладила девушку по голове и мягко произнесла:

— Ну-ну, не плачь. Ты у нас послушная и разумная, не связывайся с ней. Эх, сама не понимаю: у старшей барышни сердце ведь не злое, почему же с тобой она так себя ведет? Успокойся, не плачь, пойдем завтракать, я сварила кашу из белых грибов и красного клейкого риса...

Она долго и утешающе бормотала, взяла Цзи Юйтун за руку и потянула к столовой. Та качала головой и всхлипывала. В этот момент она вспомнила, что это был ее первый поцелуй, и девичья душа трепетала от сложной гаммы чувств: первый поцелуй отобрал человек, которого она терпеть не может, да к тому же еще и девушка! О таком она и в страшном сне не могла подумать, и новые слезы хлынули с новой силой.

Одна уговаривала, другая плакала, и обе не заметили звука подъехавшего снаружи автомобиля.

Видя, что на этот раз девочка плачет так горько, совсем не как обычно, Матушка Гуй удивилась и распереживалась еще сильнее. Похлопав ее по руке, она повысила голос:

— Ладно, прекращай слезы. Вот погоди, Матушка Гуй заступится за тебя, выскажу пару слов старшей барышне, ладно? Пойдем-ка лучше завтракать, послушайся.

Едва она договорила, как от входной двери донесся властный, низкий голос:

— Сяо Ся обидела Юйтун?

Матушка Гуй вздрогнула и поспешно обернулась. В прихожую как раз входил Чжу Вэньхань, стягивая на ходу черное пальто и бросая его на белый диван. Матушка Гуй невольно удивилась: он крайне редко бывал дома, а если изредка и приезжал, то преимущественно глубокой ночью, и никогда прежде не возвращался поутру. Она торопливо улыбнулась:

— Ничего подобного, просто дети поспорили из-за какой-то ерунды, ничего страшного.

Чжу Вэньхань, казалось, пропустил ее слова мимо ушей. Он подошел ближе и внимательно посмотрел на Цзи Юйтун, заметив на ее щеке багровые следы — очертания пальцев

угадывались слишком отчетливо. Уголки его бровей тут же нахмурились от подступающего гнева:

— Она тебя душила?

Увидев его, Цзи Юйтун давно перестала плакать и уже собиралась замотать головой в знак отрицания, как вдруг с лестницы раздался голос:

— Да, душила.

Чжу Вэньхань обернулся и увидел неторопливо спускающуюся по ступенькам Цзян Ся: вид у нее был ленивый, одна рука засунута в карман, в другой — две книги.

Когда она поравнялась с ним, ее шаги замедлились. Отец и дочь были почти одного роста. Чжу Вэньхань посмотрел на нее пару секунд, а затем с размаху влепил пощечину по ее бесстрастному лицу.

Матушка Гуй и Цзи Юйтун, стоявшие рядом, замерли от ужаса при виде этого жеста.

<http://bllate.org/book/20977/2129529>